

Петр Северцев

Бриллиант Хакера

Петр Северцев
Бриллиант Хакера
Серия «Хакер»

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=167949

Аннотация

Пентиум пентиуму рознь. Комп частного сыщика Валерия Мареева оснащен такими программами и такой базой данных, что это уже не просто электронное устройство, а Шерлок Холмс и комиссар Мегрэ в одном жестком диске.

ПЕТР СЕВЕРЦЕВ

БРИЛЛИАНТ ХАКЕРА

– И теперь я осталась ни с чем. Вы хоть представляете себе, что это значит?

Ида Яковлевна с шумом вдохнула в себя табачную струю и, ненадолго задержав ее в своих изможденных легких, выпустила дым под потолок моей кухни. Старушка задержала взгляд на волшебных переплетениях вившихся в воздухе серых кружев и, о чем-то задумавшись, неаккуратно стряхнула пепел. Серое кружево разлетелось в стороны и несколько крошечных волокон оказалось в сахарнице.

– Пардон, – равнодушно произнесла она и покрепче смяла мундштук своей папиросы.

Вечерний визит госпожи Францужовой был весьма неожиданным и пришелся как раз на то время, когда я ухаживал за Приятелем.

Нет-нет, не подумайте чего дурного, просто это имя моей персоналки. Я окрестил так свой РС еще в незапамятные времена, когда только-только приступал к карьере частного детектива.

Железо, каким бы умным оно не было, требует заботы и ухода, вроде как наше тело – душа и мыла. Поскольку Приятель работал круглыми сутками, я мог пообщаться с ним в любую минуту и, следовательно, не закрывал корпус чех-

лами, то время от времени приходилось заниматься профилактикой, дабы наши беседы в дальнейшем могли протекать столь же непринужденно.

В этот вечер я все же решился ненадолго отлучить Приятеля от розетки в пилоте и, сняв оболочку, словно латы с рыцаря, прохаживался по его внутренностям пылесосом. Миниатюрный «филлипс», тихо жужжа, втягивал в себя пыль, всосанную за две недели непрерывной работы, прочищая, таким образом, мозги Приятеля.

Более нежные детали я обработал специальной кисточкой, осторожно касаясь блестящих чипов, словно опытный косметолог, ухаживающий за голливудской дивой перед съемками любовной сцены.

Звонок в дверь, донесшийся до моей каморки, застал меня за скорбными раздумьями над вентилятором – охладитель начинал пофыркивать и дребезжать во время работы, а меня это сильно раздражало.

И пока я прикидывал, стоит ли приобрести новый кулер на камешек, Ида Яковлевна Французова уже подносила руку к звонку моей девятнадцатой квартиры в сотом доме по Майской улице в городе Тарасове, областном центре Российской Федерации, расположенном на Европейском континенте планеты Земля нашей солнечной системы.

Звучит довольно длинно, зато верно отражает положение дел – никогда не надо забываться о том, что твой личный файл расположен в веренице субдиректорий, наподобие рус-

ских матрешек. Будь моя воля, я завел бы новый тип удостоверений личности. И тогда мои координаты выглядели бы следующим образом:

OUR_GALAXY: \EARTH\EUROPE\RF\TARASOV
\MAY_STREET\100\19\Mareev.com.

Пока я бежал от своей тайной каморки, в которой располагался Приятель, к двери, Ида Яковлевна уже успела обменяться парой слов с Валею, женой «доброего гоблина» Коляна, проживавшего в нашем дворе.

Женщины подчас ведут себя как дети – знакомятся сразу или просто начинают разговор, как будто знают друг друга сто лет.

И пока я возился с навороченным замком, до меня доносились дружные сетования на погоду, – поздний ноябрь давал себя знать.

Когда я снимал цепочку, дамы проинформировали друг друга относительно борьбы с последствиями падающего атмосферного давления, что отрицательно сказывалось на общем самочувствии.

Когда я открыл дверь, речь уже шла о тонизирующих травяных настойках. Катя посоветовала моей визитерше новое китайское средство, продававшееся в ближайшей аптеке, та с благодарностью выслушала совет, но, осведомившись о цене, едва улыбнулась, что должно было означать: «увы, но это мне не по карману».

– Вы частный детектив Мареев? Я не ошиблась адресом? –

учтиво, даже слегка церемонно обратилась ко мне с порога дама лет семидесяти.

Чувство собственного достоинства, с которым держалась эта пожилая женщина, вызывало уважение, несмотря на откровенную убогость ее одежды.

Манжеты рукавов ее малинового пальто были обметаны нитками, а выпирающие наружу лоскутки изнанки тщательно обрезаны ножницами.

Я даже заметил, что выцветшая ткань была слегка подкрашена фломастером, который, впрочем, тоже начинал терять яркость.

Помогая ей раздеться в прихожей, я неловко взялся за край цигейкового воротника и, услышав легкий треск, похолодел от ужаса за свою неловкость, – похоже мех был приторочен к пальто не так уж давно и эта ремонтная операция производилась явно не в первый раз.

– Я к вам по делу, господин Мареев, – снимая шерстяные перчатки и аккуратно пряча их в карман пальто, заявила мне дама. Ее низкий хрипловатый голос звучал с некоторой печальной торжественностью. – Кстати, В.Б. – это как расшифровывается?

– Валерий Борисович, – поспешил я представиться, приглашая гостью пройти.

Очевидно, дама пришла по объявлению, – я оплатил место в рекламном еженедельнике на год вперед (маленький прямоугольник с броским текстом я собственноручно свер-

стал в CorelDraw так, чтобы он бросался в глаза читателю), и теперь из номера в номер там печаталось краткое сообщение, из которого следовало, что В.Б.Мареев оказывает населению соответствующие услуги.

– Очень приятно, – старушка не торопясь подала мне сухую жилистую руку, слегка задержав ее в моей ладони. – Ида Яковлевна Французова.

Наверное, следовало бы чмокнуть ее в руку, но я ограничился пожатием. В конце концов, у каждого поколения вырабатывается свой ритуал.

– Мое дело может показаться вам необычным, – произнесла Ида Яковлевна, сидя на табуретке в моей кухне с такой осанкой, словно она еще в детстве проглотила аршин, а он так и застрял в ее внутренностях. Мне даже показалось, что восседая она на стуле со спинкой, опора для позвоночника была бы ей начисто проигнорирована.

– По-мне так обычных дел вообще не бывает, – вежливо ответил я, проигрывая традиционное вступление к беседе. – Любое выключение из привычной жизни, да еще и криминальное, – это уже не норма.

Старушка улыбнулась углами потрескавшихся губ и начала свой рассказ.

Он оказался в меру занудным, но из него оказалось-таки возможным извлечь кое-какую полезную в дальнейшем информацию – словно из стостраничной «легенды» к компьютерной игре (read me, player!), где подробно расписывается

что и как было в этом мире до того момента, как ты щелкнешь мышкой по клавише New Game.

Прошлое Иды Яковлевны было на редкость унылым и безрадостным, за исключением самого раннего детства. Французова была, что называется, «из бывших». Ее несчастные родители не успели или по каким-либо причинам не захотели эмигрировать после октябрьского переворота в 17-м и новая власть, именовавшая себя диктатурой пролетариата, изрядно потрепав чету Французовых по ссылкам, в конце концов смела их с лица земли.

С тех пор для маленькой Иды наступили еще более тяжелые времена. Многолетние голодные скитания среди беспризорников сначала привели ее в детский дом, потом в колонию для малолетних.

Грянула война и, как на грех, зона, в которой томилась Ида Французова, оказалась на оккупированной территории. Девочку едва не угнали в Германию, но краткий роман с эсэсовским офицером, которого прельстила пятнадцатилетняя Ида, сохранил ей свободу при немцах и обеспечил лагерь после прихода наших. Ей, а заодно и дочке Иды, чье детство прошло за колючей проволокой. Сталинские лагеря сменились для Французовой хрущевскими, – измена Родине каралась огромным сроком заключения и амнистии не подлежала. Безвременная смерть дочки во время родов окончательно подорвала ее веру в справедливость.

Более того, выйдя, наконец, на свободу – так и хочется

взять это слово в кавычки, – и разыскав свою внучку, Французова вскоре вновь оказалась за решеткой, позволив себе ряд возмущенных писем в Политбюро – эта акция была расценена как антисоветская пропаганда и Ида Яковлевна вновь оказалась в лагере, теперь уже в брежневские времена.

Лишь перестройка окончательно восстановила ее в правах. Иде Яковлевне выплатили одноразовую компенсацию и позволили бесплатно пользоваться городским транспортом. В ее семьдесят с небольшим даже эта льгота была весьма существенным подспорьем для кошелька.

– Как вы сами понимаете, Валерий Борисович, я не могла должным образом обеспечить свою старость за все эти годы, – смущенно произнесла Ида Французова. – Но... от папы с мамой мне осталась одна вещь... очень ценная вещь... Право, я не знаю, как лучше выразиться...

Старушка смешалась и, вдруг набычившись, опасливо зыркнула на меня исподлобья выцветшими голубыми глазами, будто начальник компьютерного цеха на дрянную дискету с игрушкой, зараженную вирусом.

– Полагаю, что лучше назвать все своими словами, – предложил я. – Так будет значительно проще и вам и мне. Попробуем?

Ида Яковлевна Французова снова смерила меня испытывающим взглядом, словно прошлась aidsiest'ом по моим секторам. Не найдя серьезных повреждений, она решила «записать» свою информацию.

– Я говорю о кулоне с довольно крупным бриллиантом. Это изделие некогда принадлежало моему отцу, а ему досталось в наследство от деда, крупного уральского заводчика. Дед оставил папе значительное состояние, но, видите ли, Яков Георгиевич был интеллигент по своему душевному складу, и, отложив небольшую часть капитала на нужды семьи, передал основную массу средств революционерам. Он симпатизировал эсеровской партии. Именно это ему не могли простить пришедшие к власти социал-демократы. Впрочем, потом они стали называть себя большевиками, потом коммунистами, но это не меняло сути дела...

Глядя на Иду Яковлевну и внимая ее рассказу, я испытывал целую гамму чувств.

С одной стороны, конечно, искреннее уважение к этой женщине и интерес к ее биографии. Казалось, на моих глазах разархивируется несколько томов, содержащих множество файлов, один интереснее другого.

Но, тем не менее, я пока не улавливал сути дела, с которым пришла ко мне Французова.

И, если быть до конца честным, где-то на периферии мозга у меня еще торчала проблема с кулером – следовало как-то разобраться с вентилятором, а я пока еще не пришел к определенному выводу – возиться с ремонтом кулера или сэкономить время и купить новехонький.

Так что вежливая улыбка на моих губах, демонстрирующая степень заинтересованности, с каждой минутой стано-

вилаась все более неестественной.

– Вы спросите, почему я не реализовала этот кулон? – предположила Ида Яковлевна, вынимая из кармана кофты пачку «Казбека». – По ряду причин. Во-первых, память об отце. Во-вторых, я боялась преследований со стороны властей. Представляете, недавняя зэчка приходил в ювелирторг с такой драгоценной вещью! Меня сразу бы упекли к черту на кулички, а в лучшем случае – извели бы допросами. Кстати, никаких доказательств того, что этот предмет принадлежит мне у меня не имеется, как вы понимаете. Так что дело довольно тонкое...

– Вы что, хотите, чтобы я продал это украшение? Боюсь, что...

– Нет-нет, – замотала головой Ида Яковлевна. – Все гораздо серьезнее. На данный момент мне пока что нечего продавать...

– Вы хотите сказать, что кулон утрачен? – выразился я довольно мягко.

– Совершенно верно, – решительно кивнула Ида Яковлевна. – Только не утрачен, а украден. И я хочу, чтобы вы его нашли.

– Видите ли, Ида Яковлевна, – сложил я пальцы замком и слегка хрустнул суставами. – Я – человек, в общем-то, небогатый...

Я машинально, всего лишь на секунду, посмотрел на ее гардероб и обувь.

Ида Яковлевна, к ее чести, истолковала мой взгляд должным образом.

– Вы, молодой человек, очевидно, беспокоитесь, смогу ли я оплатить ваш труд? – задала она резонный вопрос. – Отвечаю: нет. Сейчас – нет. До тех пор, пока вы не найдете мой кулон. Сразу после того, как это украшение вернется ко мне, я намерена расстаться с семейной реликвией и можете быть уверены, что ваши старания будут вознаграждены должным образом.

Следующие два с половиной часа Французова посвящала меня в подробности своей семейной истории, отдавая должное колориту эпохи и деталям, не имеющим никакого отношения к пропаже кулона.

Я пару раз попытался использовать контрол-брык и прервать плавное течение ее рассказа своими вопросами, но история все-равно через пять минут начинала вертеться вокруг да около.

Тогда я применил комбинацию из трех пальцев, известную любому сопливному юзеру и произвел своеобразную перезагрузку нашей беседы:

– Стоп-стоп-стоп, Ида Яковлевна! – резко оборвал я зависший рассказ. – Давайте все сначала, но очень четко и точно. Итак...

Итак, оказалось, что злосчастный кулон последние два года хранился у дальних родственников Иды Яковлевны – четы Мамыкиных, проживавших почти за чертой города, в районе

старых дачных поселков. Французова забрала у них украшение три недели назад и все это время кулон находился у нее дома, в двухкомнатной квартире, где она проживает вместе со своей внучкой.

Возвращаясь с дежурства, – Французова работала лифтером неподалеку от собственного дома, – Ида Яковлевна в одно прекрасное утро обнаружила, что ее дверь взломана и в квартире полный кавардак. Кулон, лежавший в шкатулке на серванте, исчез. Больше никаких пропаж не было отмечено.

В милицию Ида Яковлевна решила не заявлять. Она обосновала это следующим образом: во-первых, она предпочитает как можно меньше общаться с так называемыми представителями органов, потому что за годы заключения у нее выработалась стойкая фобия на человека в мундире; во-вторых, Французова опасалась, что ей просто-напросто не поверят, а то еще и упекут в психушку.

Да и при самом благоприятном исходе беседы дело все равно ведь положат под сукно: раскрываемость квартирных краж в нашем городе очень низкая, а Французова – человек бедный и «помочь» соответствующим образом в розыске своего имущества не в состоянии.

...Я широко, с хрустом в скулах, зевнул перед монитором. Какой бы ты ни был «low radiation», глазки-то все равно устают.

Конечно, день на день, а вернее, ночь на ночь не приходится. Если надо (один вариант), или если очень хочется, (ва-

риант второй) частенько отрываешься от машины только с рассветом. Как раз в шесть утра, когда начинают копошиться во дворе соседи: слышимость у меня что надо. В смысле – жизнь выплескивается наружу, в том числе, в мои ушные раковины, во всех ее проявлениях. От трудовых – звук рубанка и пилы, доносящийся от Садовых, до семейных – шумных утренних пробуждениях Коляна. Не говоря уже о посетителях и многочисленных знакомцах тети Гали, подверженных, как и она сама, затяжным выяснением отношений с зеленым змием, – кто кого?

И можно заломить руки за голову, с хрустом потянуться и отправиться на боковую.

Хоть в шесть – начало трудовой активности Сашки Садова, хоть в семь – пробуждение Коляна, а можно дотянуть и до восьми. В это время еще один мой сосед – капитан патрульно-постовой службы Аслан Макаров выводит свой «жигуль» и едет заступать на дежурство. А посетители тети Гали обычно покидают ее гостеприимную квартиру обычно около половины восьмого.

Так что есть из чего выбирать в смысле ориентации по времени.

Я выбрал тарыхтение жигуля капитана Макарова и решил подарить себе три часа сна, с тем, чтобы проснуться к одиннадцати, переговорить с Приятелем и уже в полдень быть у Францужовой.

В каком смысле поговорить? Исключительно по делу, гос-

пода.

Не тратить же интеллектуальные усилия Приятеля, над которым я работал не один год, на искусство ведения светских бесед!

Разработанная мной программа, заложенная в недра его памяти, позволяла многое. Подчас даже казалось, что слишком многое.

Вот сейчас, например, я намеревался лечь спать, зная, что утром Приятель пошлет меня... нет-нет, совсем не туда, куда вы подумали.

Куда – я и сам не знаю, и в этом-то и состоит самая главная загадка Приятеля. Он лишь говорит, что делать, не объясняя, зачем.

Сто раз и еще тысячу раз я думал, что надо бы потратить годик-полтора и отладить программу на предмет обоснования его директив. Хотя бы для того, чтобы не чувствовать себя полным олухом, выполняя идиотские – но лишь на первый взгляд – указания Приятеля.

Конечно, когда расследование завершается, можно спокойно констатировать, что ты снова остался жив, а Приятель – как всегда оказался прав.

Но это отрадное заключение не снимает проблемы, а, скорее, углубляет ее.

Но проблема эта, скорее сугубо теоретическая. А что касается ежедневной практики, то, продрвав глаза после явно недостаточного для восстановления сил сна, я получил сле-

дующее указание:

1. ПОЩУПАТЬ ВНУЧКУ.

2. WANTED: ЕГОРЫЧЕВ РОМАН ЛАЗАРЕВИЧ,
1975 Г.Р. ПРЕДПОЛОЖИТЕЛЬНО НА СОБАКЕ.
ВАРИАНТ: ПЬЕРО.

3. БАНК «АРКАДИЯ», РУКОСУЕВ ВЛАДИМИР
ВЛАДИМИРОВИЧ. КИРОВА 6. (ЗАМЕЧАНИЕ:
АДРЕС ВЫМЫШЛЕН)

Как хочешь, так и понимай. Впрочем, если не кривить душой, общий смысл обрисованной мне программы действий был понятен, во всяком случае, в том, что касается третьего пункта – найти некоего Романа Егорычева, который тусуется на «Собаке» – название заплеванного сквера возле Цирка, либо в кафе «Пьеро» на улице Ленина.

Оставалось козырнуть, и не обсуждая приказ, отправиться на задание. Я даже не пробовал запрашивать «трассу» Приятеля, чтобы узнать, откуда он выкопал предложенную мне информацию. На изучение только списка документов, которые он «поднимал» и траектории его блуждания по сетям ушло бы несколько часов.

Наверняка он прошелся по Интернету, заглянул в милицейские архивы и электронные версии прессы, – это как минимум. А словечко «wanted», которому я его научил, значило, что данное лицо имеет непосредственное отношение к делу, которое я веду и мне необходимо встретиться с ним в самое ближайшее время.

Что касается первого пункта, то следует отметить, что Приятель был «науськан» на криминальные сюжеты лучше любого следователя.

В его памяти хранились тысячи уголовных дел и сотни сюжетов детективных романов, не говоря уже об исторических фактах и биографиях разнообразных деятелей. Не особо напрягая память, он мог сопоставить данную ситуацию с имевшейся у него информацией и предположить, что следует двигаться в таком-то направлении.

Короче говоря, Приятель был моим детищем. Детищем, кстати сказать, приемным, – первоначально эта программа разрабатывалась для Конторы Глубинного Бурения, но в результате череды разнообразных событий стала моей неотчуждаемой собственностью. Детище давным давно переросло папашу и успешно заменяло ему мозги. Говорить Приятель уже умел – звуковой анализатор работал без сбоев.

Еще бы ножки ему приделать и стрелять научить – и мне можно остаток жизни валяться на диване, прицельно плевать в плохо побеленный потолок и пересчитывать скопившиеся гонорары.

Впрочем, тогда Приятель будет иметь право расходовать на свои нужды всю прибыль.

А так, при статус кво, мне пока еще остается немного «на шпильки» после апгрейда.

...Ида Яковлевна Французова проживала на улице Циолковского, сорок пять в розовой пятиэтажке, которая явно ви-

дела гораздо более лучшие времена. Дом тихо и медленно осыпался, с торца в его растрескавшуюся стену на уровне второго этажа упиралась толстая труба. Подъезд был всерьез и надолго обжит алкашами и малолетними курильщиками дури: в спертom воздухе смешались тяжелый аромат ананиса и вонь испарений плохого портвейна.

«Слово „портвейн“, – думал я, поднимаясь на четвертый этаж по корявой лестнице и перешагивая через куски штукатурки и битое стекло, валявшееся одесную и ошуюю, – явно дискредитировано в России. Благородный, в принципе, напиток, потругальская национальная идея, можно сказать, в нашей стране на слух воспринимается исключительно как дешевое пойло плохого качества. И сколько таких лингвистических девальваций! Портвейн, демократ, патриот... Ага, вот и одиннадцатая квартира».

– Дрын-дрын! – загрохотал хриплый звонок, будто закашлялась старая болонка.

Легкие шаги, несущиеся по коридору, принадлежали явно не Француженой. Что-то там Ида Яковлевна говорила мне про свою внучку?

Дверь весело распахнулась и я тут же запутался в коврикe, вернее в подстилке, – тряпка была сложена вчетверо, так что мой левый башмак в эту минуту пытался высвободиться из самой сердцевины войлока.

Сие замешательство имело место исключительно по причине лицемерия зеленоглазого ангела, представшего на по-

роге квартиры. Это существо было настолько прекрасным, что хотелось не только говорить, но даже думать несколько высокопарно.

– Вы к бабушке? – ласково спросила молодая белокурая девушка. Она была не в силах сдержать улыбку, наблюдая за моими манипуляциями нижними конечностями в попытке освободиться от тряпки.

– Скорее к вам, мадемуазель, – неуклюже попытался я улыбнуться, выпутавшись, наконец, из противного клочковатого войлока.

– Тогда вам следует поторопиться, а то я убегаю в университет, – надменно заявил зеленоглазый ангел. – Полчасика я вам, так уж и быть, выделю. Но ни минутой больше. Усекли?

– Постараюсь оперативно управиться, – пообещал я пересохшими от восхищения губами и прошел вслед за девушкой вглубь квартиры.

Двухкомнатная хрущоба, в которой обитала Французова со своей внучкой, выглядела весьма печально. Зал представлял из себя на редкость захламленное помещение с паутиной на беленном лет пять назад поллке. Я даже разглядел два сухих мушиных трупика, завязших в липкой сети, раскинутой косиной возле люстры.

– Нет-нет, проходите ко мне, – девушка стояла возле двери направо, указывая мне рукой на вход в свою комнату. – Здесь нам будет удобнее.

«Нам», – это очень хорошее слово, мне оно сразу понрави-

лось. Даже, если оно было произнесено без какой-либо зад-ней мысли, это замечательное местоимение содержало намек на некое единение.

Предвкушая получасовое лицезрение хорошенькой мордашки, я невзначай бросил взгляд в старое потрескавшееся зеркало, нависавшее над комодом в зале.

Отражение выглядело на слабую троечку: сутуловатый тридцативосьмилетний мужчина с серым лицом и воспаленными глазами, скрытыми за стеклами очков. На плечах этого человека уже третью неделю подряд висел теплый афганский свитер. Теплый-то он теплый, да вот воротник уже порядком замаслился. Но что делать, если я с трудом вылезаю из вещи, которая мне пришлась по душе!

Хотя, если сделать очевидную поправку на состояние зеркала, то половину недостатков можно было бы отнести за счет коэффициента искажения амальгамы плюс пыль на поверхности. Так что мое изображение все же тянет на твердую четверку с минусом!

Комната, в которую я прошел вслед за девушкой, настолько отличалась от картины, представшей моим глазам в зале, что можно было подумать, будто я попал в другую квартиру – богатую и фешенебельную.

На правой стене впритык друг к другу были развешаны картины, одетые в дорогой итальянский багет, стойка для телевизора была сделана явно на заказ, левую часть комнаты занимал высокий стеллаж, доверху забитый видеокассетами

и компакт-дисками.

Весь пол комнаты устилала настоящая медвежья шкура и, вдобавок ко всему, на ажурном столике у окна громоздилась неслабая пيسуха с косыми флопами, рядом с которой пылился лазарь 6L.

Компьютер в комнате молодой девушки – не бог весть какая редкость, даже «пентюх», – сейчас выпускают такие игрушки, что в четверочку не влезут, как ни пихай, – но вот зачем ей понадобился лазерный принтер? Писать любовные письма и задавать изящный шрифт? Может, у зеленоглазого ангела плохой почерк?

Как бы там ни было, бросалось в глаза, что Ида Яковлевна Французова и ее молоденькая очаровательная внучка явно не ведут совместное хозяйство.

– Ну-с, выкладывайте, с чем пришли, – предложила девушка.

Я открыл рот для того, чтобы выдать довольно сложный комплимент, но зеленоглазый ангел неожиданно повернулся ко мне спиной и, усевшись возле зеркала, принялся заниматься своей физиономией. Нет слов, спина у нее тоже была что надо, но даже самый красивый затылок женщины не сравнится с ее лицом.

– Меня зовут Валерий и...

– Очень приятно. Катя, – тут же отозвалась девушка, выбирая румяна.

Зачем ей румяна? Такие щечки хороши без добавочных

украшений!

– Ваша бабушка поручила мне заняться поисками пропавшего... – начал я, но меня тут же оборвали. Причем, довольно грубо.

– Старая... – слово, которое последовало за определением возраста Иды Яковлевны скорее подходило к лексикону мжучины, не отягощенному избыточным словарем. – Делать ей не...

Мои брови удивленно поползли вверх и остановились где-то рядом с корнями первых волос.

– Ну спрашивайте, спрашивайте, – подбодрила меня Катя, продолжая свои манипуляции. – Времечко-то бежит, у меня лекция в два.

Массивные часы с вертячими хрустальными пастушками показывали тринадцать сорок пять.

– Вы что, учитесь? – спросил я недоумевая, где столь милое создание набралось таких словечек. И не только набралось, но и научилось небрежно вставлять их в разговор. Да еще с незнакомым человеком.

– Ну да, на филфаке. Третий курс пошел. А что? Я похожа на математичку?

Катя взглянула на меня в зеркале. Теперь она тонюсенькой кисточкой подправляла свои длинные ресницы. Пожалуй, уже обработанный левый глаз выглядел более манящим и загадочным, чем естественный правый. Нет, женщины все же знают, что делают!

– Да нет, ничего, – пожал я плечами, демонстрируя умудренную годами терпимость.

Может быть меня не так воспитывали, но я привык к тому, что определенные слова и выражения не следует употреблять молодым девушкам. Даже будущим филологам. А может быть, им-то в особенности.

– Х... с ним, с кулоном, – продолжала материться Катя. – Подумаешь, фамильная реликвия. Днем с огнем, блин, поискать такую реликвию! В любой ювелирке навалом. Лучше давайте я вас найму.

Я насторожился.

– У вас какие-то неприятности? На личном фронте? – осторожно поинтересовался я.

Катя расхохоталась. Заканчивая аккуратно обводить губы помадой, она, пошамкав ртом, словно беззубая старушка, объявила:

– На лично фронте все зае... Просто у меня мафон спи... Вместе с бабкиной побрякушкой.

Теперь мне показалось, что ее губы чересчур пухловаты. Впрочем, наверное, сейчас такая мода. Любопытно, что Катя будет делать, если мода вдруг круто повернеут в противоположную сторону?

– Он что, дорог вам как память? Или какая-то навороченная модель? – удивился я.

– Нет, ты не понял, – помотала головой Катя, незаметно перейдя на «ты». – Х... с ним, с мафоном, мне кассета по-

зарез нужна. Технику увели вместе с кассетой, которая там торчала, если кто не понял. Dutch for beginners, начальный курс. Мне голландский выучить охота, а там ох... программа, захреначенная по типу двадцать пятого кадра. Все тебе в подкорку закладывается, и ты через месяц начинаешь вроде как все понимать по-ихнему.

Макияж был закончен. Катя посмотрела на себя в зеркало, представив себе, что на нее смотрит другая женщина, – такой у нее был в это время взгляд. Не найдя, чем уязвить собственное отражение с точки зрения предполагаемого оппонента, она с довольным видом повернулась ко мне и, посмотрев на часы, проворковала:

– Так о чем мы говорим? – рассеянно переспросила Катя. – Мне скоро нужно убежать, еще пять минуток и пиздец котеночку.

Я никак не мог взять в толк, каким образом Катя надеется добраться до университета за это время. Но не стал удовлетворять свое любопытство и задал несколько стандартных вопросов:

– Кто-нибудь знал про то, что кулон находится у вас дома?

– Абсолютно никто, – весело ответила Катя. – Ху ноуз? Нободи ноуз.

– Ваша бабушка знала, кому она продаст это украшение? – спросил я на всякий случай.

Снова отрицательный ответ.

– Может быть, вы кого-то подозреваете? – уныло осведо-

мился я.

– Увы, никого, – жизнерадостно ответила Катя. – Что-нибудь еще?

Теперь настала моя очередь отвечать «нет». И это слово точь в точь совпало с автомобильным гудком, в эту минуту раздавшимся с улицы.

– Все, песочек высыпался, – констатировала Катя. – Если на вас накатит какое-нибудь просветление, ищите меня в универе, окей?

Я поднялся с кресла и прошел вслед за Катей, уже впригивавшей в туфли в коридоре.

Она бросила последний контрольный взгляд в зеркало и, быстро сдернув с крючка легкую курточку-ветровку, отперла дверь.

– Не простудитесь? – я машинально бросил взгляд на вешалку. Там висели еще два пальтеца и турецкий кожаный плащик с потертым воротником. Впрочем, Кате эти одежды были бы явно маловаты.

– Не-а, я же на машине туда и обратно, – бросила через плечо девушка. – Вы готовы?

Спускаясь по лестнице, – Катерина скакала, перепрыгивая через ступеньку, так что мне приходилось за ней семенишь, – я поинтересовался:

– Забыл спросить: кроме вас сейчас кто-то живет в этой квартире?

– Не-а, мы вдвоем с бабкой. Впрочем, я намерена скоро-

сти съехать. А то еще подожду, – ответила Катя, выплывая из подъезда и придерживая мне дверь. – Остоп... мне эта халупа.

Я уже было начал потихоньку привыкать к ее мату, но Катерина умудрялась так элегантно вворачивать крепкие словечки там, где их не ожидаешь, что каждый раз заставляла меня врасплох.

– Равно как и моя драгоценная бабуля, – добавила Катя с улыбкой. – Ну все, Шерлок Холмс, удачи вам и много-много клиентов.

Помахав мне на прощание хрупкой ручкой, Катя подплыла к белому «линкольну», дверца которого тут же распахнулась ей навстречу.

Лицо водителя было от меня скрыто, но номер я, конечно, «сфотографировал». Белое чудище, мягко взяв с места, быстро покатило к дороге, тая на глазах в сужающейся вдали перспективе.

Парень за рулем тачки показался мне смутно знакомым. Пройдясь «поисковой системой» по своей памяти, я выудил только неопределенное ощущение, что воспоминание об этом человеке почему-то связывается у меня с привкусом печенья «Красный Октябрь». Но сколько я не пытался восстановить эту странную связь, мои буксующие мозги выдавали только «can't open».

И еще одно небезынтересное обстоятельство не давало мне возможности сосредоточиться. От квартиры Французо-

вой за мной увязался «хвост».

Долговязый парень в распахнутой куртке, которого я от-метил, еще заходя во французовский подъезд, неожиданно возник за моей спиной через двести метров от дома, когда я брел по бульвару, прикидывая, во сколько мне обойдутся накладные расходы по делу Французовой и стоило ли мне вообще браться за эту работу. Юноша-преследователь выглядел довольно отвратно – остролицый, коротко стриженный, с темными провалами под глазами.

Слежка – это всегда хорошо. Если кто-то проявляет к тебе интерес, значит, игра стоит свеч. И здесь главное – вовремя перехватить инициативу.

Я медленно шел по улице, позволяя до поры до времени не терять себя из виду.

Парень плелся за мной, словно ленивая собака за идущим по делам хозяином. Его шаркающая походка и сутуловатая спина говорили о том, что мой преследователь – скорее мелкая шпана, нежели боец бригады.

Я дошел до ближайшего пункта фирмы «Кодак», – сейчас они разрастались как грибы по всему городу, и купил самую дешевую мыльницу. Я вставил в аппарат пленку и покинул магазин, держа камеру в ладони.

В это время мой филер скучал у покосившегося стенда с газетами. Изучив наклеенное на одну сторону издание городской администрации, он уже собирался познакомиться с изданием администрации областной, но я не дал ему реали-

зовать этой возможностью.

Выйдя на улицу, я побрел вдоль торговых рядов, незаметно настраивая фотоаппарат. Парень шел за мной следом и даже не успел отшатнуться, когда я резко обернулся и дважды сфотографировал его.

Он раскрыл рот от изумления, но тут же пришел в себя и, резко повернувшись, не нашел ничего лучше, как броситься наутек. Пока я засовывал «кодак» в карман, парень вскочил на подножку пригородного автобуса, уже фырчащего мотором. Я рванулся к остановке, но водитель уже выруливал на автостраду и набирал скорость.

Передо мной стояла дилемма – ловить машину и превращаться из мышки в кошку или продолжать спокойно заниматься своими делами.

Я выбрал второе.

Тем паче, что впереди уже маячили пожелтевшие тополя сквера, окрещенного тарасовцами «Собакой». Расположенный неподалеку от цирка и шумного тесного базара аппендикс, засаженный деревьями, всегда был приютом для пьяниц, дешевых проституток и торговцев наркотой.

Люди, приехавшие из районов, оккупировали скамейки, рассовывая по своим объемистым сумкам закупленные оптом продукты. Аборигены же располагались кто на корточках, кто прямо на газоне. Початые чекушки, красные носы и бессвязная речь чередовались с боевой раскраской «дневных красавиц». Со стороны цирка тусовались южные

гости, принимающие деньги от малолетних продавцов анаши.

Рядом с ними располагался милицейский патруль. Люди в форме спокойно наблюдали за происходящим, не вмешиваясь в естественный ход событий.

Среди милиционеров я заметил своего соседа по подворотне Аслана Макарова и решил, что это очень кстати, – чем копать ночную трассу Приятеля, проще навести справки о Егорычеве у Аслана.

Макаров сдержанно поздоровался со мной. Очевидно, во время работы им не предписывалось проявлять положительные эмоции.

– Пасем потихоньку, – кивнул он на наркодельцов. – Машина вертится, мы наблюдаем.

Я вежливо поддакнул. Когда моя сигарета была наполовину выкурена и наш неспешный разговор перешел на бесчинства гаишников и новые тарифы штрафов, я вдруг «вспомнил» про Егорычева.

– Как же, как же, – тотчас отозвался Аслан. – Знакомая персона. Только я его уже неделю тут не вижу. А что у тебя за дела с этим типом?

– Дела, как известно, у прокурора, а у меня работа, – ухмыльнулся я – Мало ли с кем приходится нашему брату сталкиваться.

– Сталкиваться? – удивленно переспросил Макаров. – Нет, к Егорычеву это не подходит. Он вроде шестерки у

здешних деятелей, да и то сильно сказано. Тридцать лет мужику, а до сих пор не устроен – ни одна преступная группировка его к себе не берет. Вот он и бегаёт по мелким поручениям, да бутылки по пути собирает. Так что столкнуться с ним можно лишь в битве за «пушнину».

Слушая Макарова, я окончательно убедился в том, что Приятель ночью бродил по милицейским сетям. Очевидно, объективка на Егорычева была занесена в их базу данных, откуда Приятель и скачал информацию.

Кафе «Пьеро», расположенное в пяти минутах ходьбы от цирка, встретило меня прохладой полуподвала и табличкой «Санитарный час».

Отодвинув висюльку из магнитной ленты я проник в просторное помещение, где был встречен печальным рыком щуплой уборщицы.

– Куды ты пресся! Четырех глаз тебе мало, что ли? Пятый купи!

Я поправил сползшие очки и поманил к себе работницу со шваброй.

– Закрyто, понял? – машинально продолжала она орать, но, поскольку я не трогался с места, решила подойти и выяснить, что это за странный тип, который не понимает русского языка.

– Егорычев Ромка давно у вас появлялся? – тихо спросил я, с бесстрастным видом вынимая из кармана пятитысячную бумажку.

– Который посуду сюда приносит? – наморщила лоб уборщица. – Почитай, как с неделю уже носа не кажет. Может, клад нашел?

– А что? Очень может быть, – сказал я совершенно серьезно.

Следующим пунктом моей трассы был банк «Аркадия». Располагалось сие заведение аккурат на месте моего любимого магазина «Lewi's», где я обычно закупал пару-тройку джинсов на месяц вперед. Я успел полюбить веселую джинсовую лавочку и теперь, не скрою, был настроен против «Аркадии» резко отрицательно.

Куда девался магазин – осталось покрыто тайной. Можно было, конечно, привыкнуть за столько-то лет «эпохи реформ», что содержимое помещений может меняться с головокружительной быстротой. Позавчера тут была пирожковая, вчера джинсовый магазин, сегодня банк, а завтра будет салон бесконтактного удовлетворения.

Кажется, это и считается рыночной экономикой – когда сфера обслуживания гибко реагирует на потребности населения. Сегодня, значит, банк важнее.

Мое недовольство удвоилось, когда на самом пороге «Аркадии» передо мной появилась квадратная туша охранника, который посоветовал мне придти завтра, так как сегодня банк клиентов не обслуживает.

Нет, так нет. Не хотите пускать меня с парадного крыльца – так мы заглянем с черного хода, мы не гордые. С очень

черного хода. Тем более, что для этого мне даже не придется выходить их дома.

Но этот виртуальный визит я решил перенести на вечер, а пока отправился к «хранителям», как я обозвал про себя родственников Иды Яковлевны.

Мой «жигуль» помидорного цвета притормозил у ветхой избышки с покосившейся крышей, хлопающей под ветром отодранной жестью. Дачный поселок заканчивался через два дома и впереди чернел вечеряющий лес. Пронзительные вопли ворон и резкие порывы осеннего ветра создавали особый, как бы шотландский колорит. С поправкой на российские дороги и особенности местной сельской архитектуры.

Ботинки зачавкали по жирной грязи, смешанной с прелой травой. Я равнодушно посмотрел на покрывшиеся серой жижей ботинки. Итальянская кожа начинала трескаться и грозила вскоре расползтись. Надо было, конечно, их почистить еще неделю назад, теперь-то что горевать... Но ботинки меня не так волновали, как джинсы.

Мои черные траузеры стали протираться по обшлагам, а это уже серьезно. Давно пора прикупить еще парочку-троечку обновок, ведь джины горят на мне, словно они – одноразовые, ей-богу.

Калитка, даже не запертая, а просто прислоненная к плетню, рухнула к моим ногам, только я до нее вздумал дотронуться.

– Кто? Куда? – высунулась из-за двери взлохмаченная женская голова.

Вслед за ней тот же вопрос, но на своем собачьем языке задала облезлая шавочка. Выбежав на крыльцо и осторожно тьякнув на меня, она тут же проворно юркнула в дом. Пси-на с выпученными глазенками и лапами, похожими на надломленные спички, тряслась всем тельцем, будто только что выкупалась в ледяной проруби либо просмотрела документальный фильм про живодерню.

– Мамыкины здесь живут? – прокричал я, сложив ладони рупором.

Женщина, не отвечая на вопрос, молча смотрела мне в глаза.

Я недоуменно пожал плечами и добрел до крыльца, едва не споткнувшись о дырявое ведро, стоявшее аккурат посреди тропинки.

– Я от Иды Яковлевны, – сказал я как можно дружелюбнее. – Очень хотелось бы увидеть Анну Павловну либо Леонида Ильича.

– Из собеса? – переспросила женщина, силясь понять мои слова.

Я решил, что хозяйка дома малость глуховата и, наклонившись к ней поближе, еще раз прокричал свою фразу над самым ее ухом.

– Не из собеса, – обреченно констатировала женщина. – А я думала, что из собеса.

– Нет, – покачал я головой. – Не-ет. Я – не из собеса. Я – от Иды, Иды Я-ков-лев-ны. Ваша родственница просила меня...

– А я-то думала, что из собеса, – упорно продолжала гнуть свое женщина и с укоризной посмотрела на меня. – А вы не...

– Хозяин дома? – заорал я во всю мощь. – Леонид! Ильич! Мамыкин!

– В собес ушел, – строго ответила мне женщина. – Еще вчера. Очередь, наверное.

– А-а, – протянул я. – Вы, стало быть, – Анна Павловна? Женщина призадумалась.

– И Ромочка тоже пропал, – добавила она. – уж заждались.

– Какой еще Ромочка? – насторожился я. Кажется, рыбка сама плыла мне в руки.

Мне приходилось говорить, перекрывая порывы ветра, очень громко и очень четко, как будто я отдавал команды по звуковому анализатору. Только в отличие от компьютера, программа Анны Павловны явно сбоила и требовала оперативного вмешательства.

– Уж месяц не появляется, – шамкая губами, жаловалась Мамыкина.

– Муж ваш, что ли?

– И муж, и Ромочка – все ушли, – подняла на меня глаза Анна Павловна.

Выцветшие от старости белки ее неподвижных глаз были

похожи на недожаренную яичницу, в которой подпрыгивают два желтка, политых еще на сковородке болгарскими коричневым кетчупом.

– Ромочка – это кто? – допытывался я. – Сын ваш, что ли?

– Вроде, теперича племянник, – облизнув губы, ответила Мамыкина. – Иды племянник, не мой. У нее жил, к нам приходил. Дрова рубил, воду носил. Как родной. А теперь вот пропал.

– Вы говорите – племянник Иды Яковлевны? – удивился я и тотчас же припомнил мужскую одежду на вешалке в доме Французовой.

Но почему же тогда Катерина ничего не сказала мне про Рому?

Человек отсутствует целый месяц, а мне об этом ни пол-слова?

«Нет, мы живет вдвоем с бабкой», – сказала она мне. А я... Черт возьми, я же спросил: «кроме вас сейчас кто-то живет в этой квартире?» И Катя мне честно ответила: нет. Вот стерва! Так из-за одного словечка «сейчас» мне умудрились запудрить мозги.

Из-за ног Анны Павловны вновь выглянула шавка. Задрав облезлую морду к появившейся луне, она жалобно завывала, а потом бешено заколотила хвостом, будто вбивая гвоздь в дверной косяк.

Послышались шаги. К порогу приближался пожилой человек в высоких сапогах.

Не обращая на меня никакого внимания, он обратился к Мамыкиной.

– Собес закрыт на ремонт. Пришлось заночевать. Ужинать давай.

Стуча сапогами, мужчина прошел в дом, ненадолго задержавшись в сенях. Он опорожнил содержимое карманов своего пиджака, вывалив на донце круглой бочки несколько смятых бумажек.

– Это муж ваш? – спросил я, глядя вслед нелюбопытному старичку.

– Законный супруг Леонид Ильич, – уважительно произнесла Мамыкина.

– Что ж ты гостя на пороге держишь? – раздался глухой голос из сеней. – Пригласи да налей нам как положено по граммулечке.

Анна Павловна незамедлительно исполнила приказание супруга. Через пять минут мы все втроем уже сидели в тесной кухне и Мамыкина разливала нам с Леонидом Ильичем самогон. На закуску к этой отраве были предназначены лишь соленые помидорчики и немного хлеба.

– От Иды, говоришь? – задумчиво произнес Леонид Ильич, пристально поглядывая на голубоватую жидкость в граненом стакане. – Верно, держала она у нас свои вещички, пока по заточениям скиталась. Да, как видно, у нас они целее были, чем у нее. Прибежала вчера поутру вся не в себе, кричала на нас. Да не вовремя ее бес принес – я в собес

собрался, а она тут как тут. Вопит, причитает... А при чем тут мы? Седьмая вода на киселе.

– У вас часто бывал ее племянник? – спросил я, поднимая стакан.

– Ромка-то Егорычев? Захаживал, – согласился Мамыкин и, поднеся к губам рюмку, молниеносно опрокинул ее содержимое в свое чрево.

– Как вы сказали его фамилия? – встрепенулся я, словно ужаленный.

Но Мамыкин мне не ответил. Хозяин застыл, словно каменное изваяние, тупо глядя перед собой и не реагируя на мои слова.

– Эй, – потряс я его за рукав, – Леонид Ильич? Вы как? Вы меня слышите?

С таким же успехом я мог бы обращаться к какому-нибудь рекламному щиту. Мамыкин выглядел ужасно. Старик побледнел за какую-то секунду и потерял дар речи всего от ста грамм самогонки.

– Посидит еще немного и спать ляжет, – пояснила мне Анна Павловна, осторожно прикасаясь к моему плечу. – Он все время такой, как поженились тридцать лет назад и по сей день.

Я с грустью посмотрел на бессмысленное лицо Леонида Ильича Мамыкина. Нет, господа, это не Шотландия. Это гораздо круче.

Анна Павловна даже не вышла меня провожать, хлопоча

возле мужа. Краем глаза я взглянул на скомканные бумажки, валявшиеся в сених. Одна из них оказалась квитанцией из вытрезвителя. Теперь мне стало понятным, где заночевал Леонид Ильич.

Бредя к машине, я предавался печальным размышлениям. Какой уж тут Интернет! Если все проблемы упираются в собес и самогон, тут не до сетей.

Хотя, впрочем, в России, все же не так уж плохо. Ведь все познается в сравнении, а бесстрастная госпожа статистика утверждает, что половина населения земного шара ни разу в жизни не видела телефона.

Кстати о телефоне. Хоть мои расходы на путешествия Приятеля по сетям зашкаливают за шестизначную сумму (а что вы хотите, если мне приходится жужжать модемом через сотку с фиксированным номером), я уже понимал, что мне придется сегодня вечером напрямьч г-на Пентиума на предмет дальнейших изысканий.

Мне ничего не оставалось делать, как вернуться домой и снова сесть за машину. Ту машину, которая хоть и с шиной, но без колес, и которая, кстати, для меня тоже не роскошь, а средство передвижения. На этот раз Приятель задал мне новую траекторию:

ЛЕКЦИЯ ПО ЭСТЕТИКЕ. XI КОРП.
СПЕЦИАЛЬНОЕ ПРЕДЛОЖЕНИЕ: МОРГ НА
СОВЕТСКОЙ.

Веселенькая перспектива. Однако против электронного

начальства не попрешь.

А пока я буду курсировать между моргом и университетом, пусть оно озадачится.

Для того, чтобы проникнуть в сеть банка «Аркадия» мне понадобилось чуть больше двух часов. Вернее, не мне, а Приятелю. Зачем самому возиться с дешифровкой и взламывать пароли, когда железо сделает это гораздо эффективнее и качественнее?

Припоминая точные формулировки статьи 272 уголовного кодекса Российской Федерации, предусматривающей наказание за неправомерный доступ к охраняемой законом компьютерной информации, я решил, что власти просто-напросто валят с больной головы на здоровую. Если вы хотите нечто держать в секрете, то извольте получше заботиться о безопасности вашей информации. А то получается, что вы вешаете на свой сейф замок для почтового ящика, а потом рвете на себе волосы. Как-то нелогично.

Меня, разумеется, интересовали не способы перекачки на свой личный счет энного количества миллиардов деревянных или зеленых, а наличие в списках клиентов банка фамилии Рукосуева.

Но пока Приятель хакал пассворды глобальной защиты, я понял, что буквально валюсь с ног от усталости. Решив, что конкретные личности могут подождать и до утра, я завалился спать.

Перед завтраком я убедился, что взлом прошел успешно и

остались уже совсем какие-то хлипкие засовы по видам вкладов. Запустив поиск на фамилию Рукосуев, я отправился на лекцию по эстетике.

К десяти утра мой «жигуль» стоял возле универа. Небольшой городок, в котором размещались учебные корпуса, переживал не лучшие времена в своей многолетней истории. Замусоренность территории плюс обветшавшие фасады зданий, плюс осенний ветер и мелкая дождевая морось навевали меланхолическое настроение у студентов и не способствовали активной учебе.

Это утверждение оказалось верным и для Кати. В холле одиннадцатого корпуса я пробежался по расписанию и выяснил, что в данный момент моя новая знакомая должна внимательно слушать лекцию по эстетике, но когда я поднялся на этаж и сквозь стеклянную дверь обозрел десяток скучающих студентов, внимающих такому же вялому лектору, то Кати среди них не обнаружил.

В задумчивости почесывая затылок, я спускался по лестнице, теряясь в догадках – где мне искать злостную прогульщицу. Но Катерина неожиданно нашлась сама. Девушка смирно сидела на деревянной скамеечке с торца здания и курила, уставясь в серое осеннее небо. Судя по количеству бычков, усеивавших окрестности, курс экологии на этом факультете не читался.

Я поздоровался и подсел рядом с ней. Катя ничуть не удвилась моему неожиданному появлению. Стряхнув стол-

бик пепла с очередной сигареты, она потуже закуталась в теплую кофту и посмотрела на часы.

– Еще двадцать минут, – сказал я, вынимая сигарету и прикуривая.

– В каком смысле? – Катя с недовольством посмотрела на меня.

Очевидно, я нарушил ее уединение и помешал предаваться романтическому настроению. Осень, грусть, любовь и молодость. Любимый коктейль в определенном возрасте. Пьянит сильнее любого вина.

– Двадцать минут осталось до конца лекции, – пояснил я. – С эстетикой, как я понимаю, все и так окей? Не будет сложностей с зачетом?

Катерина отрицательно покачала головой и отвернулась, предпочтя моей физиономии разводы на потрескавшейся штукатурке здания.

– Завидую вашей уверенности. Почему вы не сказали мне вчера про Рому?

– Честно? Леня было языком ворочать, – вяло отозвалась Катя и хмыкнула. – Да и с какой стати стала бы я говорить вам про Рому, если моя старуха даже в милицию не заявляла об исчезновении?

Я благоразумно промолчал, давая ей возможность высказаться: Катерина вдруг оживилась, когда я заговорил с ней про Рому Егорычева. Отрешенная задумчивость мигом слетела с нее, как легкий сухой лист с дерева под порывом

шквального ветра.

– Дерьма такого поискать... – раздраженно проговорила она, глубоко затягиваясь и с силой затушив окурок о спинку скамейки. – Сами посудите, зачем такого муравья земля носит? Вечно от кого-то прячется, скрывается, займет денег и в бега... Ладно бы суммы были серьезные, а то такая ерунда, что и говорить смешно... Раз заявился какой-то алкаш, которому Ромка уже месяц десятку был должен. Так он требовал в пересчете с процентами. Наросло аж до одиннадцати тысяч, б...

– А фото его у вас имеется? – спросил я. – Может, в каком альбоме?

– Да он сроду не фотографировался. Зачем? – удивилась Катя. – Разве что на паспорт.

– Ну...

– А паспорт он, понятно, с собой взял, дома его во всяком случае нет. Но эту рожу и без фото легко узнать – ростом мне по плечо и четыре зуба спереди железные. Ох...й красавец, – фыркнула Катя.

Романтический флер окончательно развеялся и теперь передо мной было та самая девушка, с которой я разговаривал вчера – деловая, бесцеремонная, циничная и... и все же прекрасная.

– Это уж как природа постарается, – философски заметил я. – Павлин, вот к примеру, тоже птица красивая. Правда, голосом Бог обделил...

Я был удостоен немедленного настороженного взгляда. Любопытство пополам с угрозой.

– Это вы к чему клоните, начальник? – новая сигарета, вынутая из пачки «Могe», уперлась мне в грудь, словно пистолетный ствол.

Ага, голубушка, что-то тут не так. Почему это тебя так задело мое упоминание про павлина? Голову даю на отсечение – ты решила, что речь идет о твоём хахале. У меня сработало подсознание и я выпалил эту фразу как бы между прочим, но уже сейчас до меня дошло, что я вспомнил имя того человека в «линкольне» – Павел.

– В деле, которым мне поручила заниматься Ида Яковлевна, слишком много умолчаний, – пояснил я, отстраняя ее руку и вынимая зажигалку.

Щелкнув кремнем, я выдавил из китайской прозрачной чиркалки флейм, но Катя и не подумала воспользоваться предложенной услугой.

– Пропадает ценное украшение, – продолжал я развивать свою мысль. – Вам на него плевать, вас больше интересует кассета с уроками голландского. Мадам Французова, кстати, не обмолвилась о пропаже магнитофона. Ваш родственник Рома ведет довольно растрепанный образ жизни, и может иметь отношение к пропаже. Но ни вы, ни Ида Яковлевна даже не заикаетесь о его существовании. Мне приходится наводить справки по своим каналам...

– По каким таким каналам? – недоверчиво спросила Ка-

терина.

– Я посетил Мамыкиных, – коротко ответил я. Не рассказывать же ей, в конце концов, про Приятеля. – Далее. Этот ваш знакомый...

– А вот это уже мое личное дело, – сразу завелась Катерина, и нечего вам ко мне в постель заглядывать. Мне уже, между прочим...

– Не сомневаюсь в вашем совершеннолетию. Равно как и в вашем праве располагать собственным телом по своему усмотрению, – заверил я ее.

Катя даже не нашлась, что мне ответить, только тихо выматериалась.

– Ну что, будем жить дружно или залезем в бутылку и закупоримся изнутри? – поинтересовался я, подзадоривая девушку.

– Павлик тут не при чем, можете не сомневаться, – с ходу заявила Катя. – Глупо было бы его подозревать. Да если он захочет, то купит для меня сто таких побрякушек! А мне бабкиного ничего не надо, пошла она в жопу со своим бахламом!

«Как все-таки непочтительна эта нынешняя молодежь, – с грустью думал я, наблюдая за Катей. – Ангельская мордашка и дьявольский язычок».

Девушка тем временем продолжала распалаться все больше и больше.

– Я! Да я до восемнадцати лет в обносках ходила, лишний

кусман сахара у этой... этой твари клянчила! – почти кричала Катя. – Пенсию за родителей погибших – и ту старуха себе забирала! Пирожные безе, бл..., видите ли, ей кушать хотелось к чаю!

Дальше последовал заковыристый мат, перемежающийся плевками под ноги.

– Я сплю, бл... и вижу, как уезжаю из ее е... квартиры на х... Мне Павлик хату оформит уже через неделю, и ну ее в п..., вашу Иду Яковлевну, Ромочку, его шалаву и все проблемы этой семейки.

– Шалаву? – наконец-то выудил я из ее брани заинтересовавшее меня словечко. – То есть, вы хотите сказать, что у Ромы была девушка?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.